

Владислав Ходасевич

Памяти Б. А. Садовского

Оригинал здесь -- http://www.silverage.ru/memory/hodas_sadovsk.html

Умер Борис Садовской, поэт, беллетрист, историк литературы. Я узнал, что он умер, случайно, в разговоре, и не мог даже выяснить, когда именно это случилось. Может быть, месяц тому назад, а может быть -- год. Ни в одном советском издании, кажется, не писали о том ни строчки. Здесь не писали тоже.

В 1913 году, пишучи цикл стихов под общим заглавием "Самовар", последнее стихотворение закончил он пожеланием умереть

Тихой смертью от угара.

В этом стихе затаена была очень грустная мысль. Уже тогда, 12 лет назад, Садовской знал, что легкая, безболезненная кончина вряд ли ему суждена. Болезнь, сгубившая¹ Гейне, Ницше, Языкова, -- давала уже себя знать, Садовской очень деятельно лечился, но все, конечно, было напрасно. С 1915 года начались местные параличи (в руке, в ноге), а в 1916 году он слег окончательно, чтобы 8 или 9 последних лет провести в "матрачной могиле". Теперь, говорят, он умер на больничной койке, в том самом Нижнем Новгороде, где в 1881 году родился.

Если не ошибаюсь, он начал печататься в 1904 году², в "Весах", преимущественно в библиографическом отделе. На первых порах он попал под деспотическое влияние Брюсова и принадлежал к числу тех "литературных мальчиков", как их тогда называли, которые, сами того не замечая, были послушным орудием в руках Брюсова. Через несколько лет, однако, Садовской "вырос", стал проявлять независимость -- и его отношения с Брюсовым испортились навсегда.

Стать выдающимся, исключительно крупным писателем Садовскому не было суждено. Помимо размеров и свойств его Дарования в этом, мне думается, сыграла большую роль и его болезнь. Она не только подтачивала его силы и не давала развиваться, но и почти совсем вывела его из литературного строя приблизительно около 1916 года, то есть на 35-м году жизни и на 12-м году писательства.

Тем не менее незаметной фигурой назвать его никак невозможно. Конечно, ни школы, ни даже группы, ни даже, пожалуй, своего, ему лишь присущего, стиля Садовскому создать не довелось. Он прошел без влияния. Больше того: неизменно выступая на стороне так называемой "символистской" (не точнее ли говорить -- "модернистской"?) фаланги, порою даже в стиле ее самых деятельных застрельщиков, -- сам Садовской, по своим писаниям, вряд ли вполне может быть отнесен к этой фаланге. Его истинные учителя не Бальмонт, не Брюсов -- а Пушкин, Фет, Вяземский, Державин. Если бы модернистов не существовало вовсе -- Садовской был бы таков же или почти таков же, каков он был. Можно, пожалуй, сказать, что Садовской -- поэт более девятнадцатого столетия, нежели двадцатого.

Вероятно, его дарование как поэта было невелико. Но оно было в высшей степени гармонично. Он умел не браться за темы, которые были бы больше его, не ставил себе задач непосильных. Поэтому он никогда не рисковал, так сказать, сорвать голос. Стихи его никогда не изумляли, не поражали, даже и не восхищали, -- но это всегда была чистая и возвышенная поэзия. Точно учитывая свои силы, Садовской в поэзии был несколько сдержан, как был и в жизненном обиходе. Если угодно, лирика его была даже суховата, -- но зато читатель никогда не мог заподозрить Садовского в желании показаться не тем, что он есть, -- в позерстве, притворстве, лжи. Садовской был правдив. А быть правдивым поэту труднее, чем об этом принято думать. В стихах своих Садовской говорил скромнее и меньше, чем мог бы сказать. А сколько стихотворцы, порой прославленные, в уме и сердце имеют лишь малую долю того, о чем сочиняют.

Кроме шести, если не ошибаюсь, книг стихов³ ("Позднее утро", "Пятьдесят лебедей", "Пять поэм", "Самовар", "Полдень", "Обитель смерти"), Садовской написал несколько томов прозы: "Узор чугунный", "Адмиралтейская игла", "Яблочный царек", "Двуглавый орел", "Лебединые клики". Как прозаика его часто смешивали с так называемыми "стилизаторами". Это неверно. Лишь незначительная часть его рассказов ("Из бумаг князя К", "Три встречи с Пушкиным" и др.) могут быть названы стилизациями, то есть представляют собою как бы документы, писанные не в нашу эпоху. Все прочее писано от лица нашего современника, и только сюжеты чаще всего взяты Садовским из XVIII и первой